

— Виктор Иванович, вы — известный драматург, автор сценариев многих популярных фильмов, стали теперь и ведущим «Кинопанорамы». Видимо, вас заботит, как отзываются в душах и умах людей произведения киноискусства. Помните, в давнем французском фильме «Мой американский дядюшка» предпринята была попытка провести прямые параллели между реальной жизнью и придуманной — экранной? Считаете ли вы, что кинематограф действительно моделирует поведение людей?

— Пожалуй, только молодые люди на очень короткое время пытаются повторять повадки и способ жизни полюбившегося героя. Скажем, кто-то хочет походить на Харатьяна, кто-то на Караченцова. То есть выбирает модель сообразно своим представлениям об идеале, пытается компенсировать собственные комплексы заимствованиями из жизни киногероя. Но здесь нет прямых аналогий. Мол, если добрый герой овладевает душой и помыслами подрастающего, то последний не способен на дурные поступки. Часто встречается беспринципное копирование, когда экранная героиня, перенесенная в жизнь, теряет положительный заряд и перерождается в свою противоположность.

У людей зрелого возраста иды тоже есть, но отношение к ним более отстраненное: взгляд на героя как на что-то очень далекое, желанное, но несостоявшееся. Вообще наивно, на мой взгляд, полагать, что с помощью книги или фильма можно коренным образом переделать личность. Суть человека остается неизменной...

— Но одним из основных критериев оценки произведений в последние десятилетия в нашей стране было «воспитательное значение»?

— Воспитание как цель творчества было одним из главных постулатов социалистического реализма. В руках умелых идеологов это стало удобным инструментом управления художником. Все, что выходило за рамки узаконенного искусства, объявлялось вредным, растлевающим сознание молодого поколения. Формула простенькая, но, согласитесь, трудно опровергаемая. Потому как любое честное произведение населено нормальными живыми людьми. А в ранг героя официальной пропагандой был возведен психологический тип личности: непьющий, некурящий, неопаздывающий, непрерывно что-то перевыполняющий... Ну, боже мой, где вы таких в жизни видели? Но «святая» цель — формирование «нового человека» нового общества — оправдывала ходоульность персонажей, которые объявлялись образцом для подражания. Неважно, что желающих подражать не находилось...

Воспитывает жизнь, а искусство способно лишь развить какие-то свойства души человека. Скажем так: я могу любить Родину, если она дала мне социальные, юридические, нравственные гарантии, если я ежедневно и ежечасно в этом убеждаюсь. А ценность общественных завоеваний в таком случае поднимается, подчеркивается творцами. Вот он — подлинный патриотизм, произрастающий из реалий, а не придуманный и внедренный в сознание извне.

Я смотрел несколько серий американского фильма «Супермен» и должен сказать, что даже в этой весьма посредственной, с точки зрения художественных достоинств, ленте очень искусно подогревается чувство гордости за свою родину. Каждая серия кончается победой американца над черными силами, каждая воздействует на подкорку зрителя: США — са-

мая гуманная, самая демократичная, самая лучшая страна. У нас иные подходы, да и, увы, нет оснований так восхвалять свой строй, свои будни. Сколько загаженных храмов, поваленных крестов видешь, проезжая по Волге. Трудно быть патриотом...

— Если вы замечаете разрушенные на родной земле храмы, если болит у вас за нее душа, значит, вы — патриот. Разве не так?

— Хотя я и первый прибежал в нашем разговоре к слову «патриотизм», оно кажется мне неживым, стеклянным, легко разрушаемым. Любовь к своей земле — звучит естественнее и душевнее. Я — человек верующий. Если бы уехал, скажем, в Австралию, вспомнил бы Храм, в который ходил в День поминовения. Я вырос на этой земле, вырос с этим народом.

Кстати, о корнях. Мои
Муж - 1950. - Там
Виктор МЕРЕЖКО:

ПОЛЕТЫ ВО СНЕ И ЖИЗНЬ НАЯВУ

родители всю жизнь прожили в селе. Нищета была ужасающей. И когда в 51-м они поняли, что их четверем детям грозит голодная смерть, мама сестра написала нам в Ставрополе: приезжайте на Украину, кусок сала для вас всегда найдется. Мы связали узлы и поехали.

Вы знаете, у меня отец был личностью неординарной. Сталина ненавидел и не скрывал. В то время, когда для нас, детей, вождь был превыше родителей. У меня даже (со стыдом вспоминаю об этом) возникало как-то желание сообщить об отце «куда следует». Последнее время он работал печником. А из него печник, как из меня скрипач. Из его печей дым валил не в трубу, а в избу. Недовольные хозяева его, бывало, избивали и отбирали деньги. Он побитым приходил домой, а мама — она была великим человеком, вечной труженицей — говорила: «Иван, ну что ты такой безрукий?»

Я ударился в воспоминания. Но это моя жизнь, тут уж ничего не попишешь. И для меня важна родная земля, а не строй, который утвердился на ней, для меня важен мой народ, а не люди, чья судьба вознесла над ним...

Те, кто называет себя патриотами, подразумевают верность абстрактным идеям социализма, не подкрепленным пока жизнью, представляются мне продуктами страшной машины. Они перемолоты до такой степени, что по-инному мыслить не могут. Когда говорят, что Советская власть не воспитала нового человека, это неправда. Выражен некий тип людей (и таких очень много), не желающих ни работать, ни думать, ни отвечать, ни любить, ни верить...

Прошу не трактовать мои слова как обвинительную речь в адрес народа. Мы живем в трудное, нестабильное время, когда все кругом рушится, и не случайно сейчас звучит отчаянный призыв зрителя: дайте нам хорошие, добрые фильмы. Интуитивно люди защищаются от агрессии, стихии разрушения. Они ждут вечерней сказки, чтобы уснуть под гипнотическим ее воздействием. Пусть она недостижима, но действует успо-

каивающе: может быть, когда-нибудь будет вот так же хорошо, как на экране...

— Вас, простите, снзочником не назовешь. На днях в «Кинопанораме» вы показали отнюдь не умиротворяющие сюжеты — о Чернобыле, о войне, о преступности...

— Я сейчас работаю на телевидении с двумя бригадами. Одна — под руководством Ирины Лисневской — настроена на создание остропублицистических передач. Другой (ее возглавляет Ксения Маринина) ближе более спокойный, камерный разговор о кинематографе. Мне интересно сотрудничать с обеими. Но если вторая «работает» на идею успокоения общества сама по себе, то в бригаде Лисневской уже от меня, как от ведущего, зависит «градус» накала страстей. Объясню это на примере последней передачи.

будешь остро реагировать и раздражаться, он будет расти, требовать все новой пищи и постепенно станет твоей сутью. Я старюсь помнить об этом правиле и следовать ему. Судя по почте, зрители нас понимают. Недавно редакция получила письмо от Олега Цапко из Кировска, где он пишет: «Мне думается, что вы своим тактом и доброжелательностью врачуете наши ожесточенные сердца»... Что ж, дай бог.

— Виктор Иванович, а как случилось, что вы стали ведущим?

— Тяга к лицедейству у меня была со школьных лет. А потом в жизни каждого человека, наверное, наступает предел насыщения, когда хочется с кем-то поделиться тем, что знаешь и понимаешь. Хотя, когда мне предложили вести «Кинопанораму», я долго колебался. Экран ведь обладает свойством либо поднять человека, либо уничтожить его. Иногда смотрю на выступающего по телевидению и ловлю себя на мысли: сидел бы ты дома, я так тебя любил, а экран показал, что говоришь ты плохо, думаешь отвратительно, внешне неприятен...

— А когда себя увидели на телеэкране, не разочаровались?

— Я-то нет. А публика вначале сопротивлялась и страшно ругалась: бородастый, мрачный, писали, что у меня «свиные глазки» (я всегда считал, что у меня хорошие глаза). А сейчас идут письма очень добрые. Ко мне привыкли, и уже есть мощная армия сторонников, которые поддерживают избранные формы и стиль подачи материалов.

— Удел кинодраматурга — оставаться в тени. Вы благодаря телевидению стали легко узнаваемым. Вам это нравится?

— У популярности есть приятная сторона. Не хамить в магазинах вообще у нас не могут, но мне стали хамить меньше. Или захожу в цветочный магазин, мне говорят: отсюда букет не берите. И ведут в подсобку. Так что случаются маленькие радости.

А неприятная сторона состоит в том, что ты становишься предельно несвободным. Я раньше не понимал своих друзей — Олега Янковского, Юру Николаева, Олега Табакова, когда они мучались от того, что только дома могут стать самими собой. У меня не такая лавинообразная слава, но я уже чувствую ее обременительность. Не могу позволить себе одеться, как хочу, ходить, как хочу. В метро меня спрашивают: а почему вы не на машине, что, денег нет купить? Приятно осознавать, что ты интересен окружающим, но когда этот интерес приобретает «тотальный» характер, он начинает тяготить.

— Многие ваши сценарии, например «Полеты во сне и наяву», «Прости», о людях, не сумевших себя в жизни реализовать. Вы не относите себя к их числу?

— Вы задали устрашающий вопрос. А если я отвечу, что реализовал себя, мне, что же, надо умереть? Во всяком случае, я считаю, что живу по тем законам, которые меня устраивают. Люблю свою работу, счастлилив своими детьми, своей женой, счастлилив своим способом существования. Иногда меня одолевает скука, но я пытаюсь от нее избавляться и чувствовать себя совершенно свободным. Естественно, никому не приносив вреда...

«Зверь раздражения» порой поднимает голову и в моей душе. Но я не даю ему пищи и стараюсь в своей работе, которая адресована людям, бережно относиться к их чувствам, к их надеждам.

Вела беседу Т. КУЛИКОВА.